

Марина Вишневецкая

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ ПИЗЫ Н.

Марина Вишневецкая

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ ЛИЗЫ К.

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44
В55

Художник
Ирина Сальникова

Фото автора на переплете
Александр Деркач

Вишневецкая, Марина Артуровна.

В55 Вечная жизнь Лизы К. / Марина Вишневецкая. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 316, [4] с. — (Проза: женский род).

ISBN 978-5-17-107254-4

Марина Вишневецкая — писатель, сценарист. Лауреат премии за лучшую повесть года им. И.П. Белкина, лауреат Большой премии Аполлона Григорьева; автор сценариев более чем тридцати анимационных (премия «Золотой орел») и документальных фильмов.

Главная героиня романа «Вечная жизнь Лизы К.» переживает каждое прожитое мгновение так же полно, как Наташа Ростова. «Я потерялась — между странами, между детьми, между родителями... между любовью...» И только когда происходящее касается Лизиной семьи остро и разрушительно, к ней приходит осознание неповторимости времени и своей ответственности за жизни других людей, как близких, так и очень далеких.

УДК 821.161.1-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107254-4

© Вишневецкая М.А.
© ООО «Издательство АСТ»

Нелегко быть мной, думал Сдобсен
тем утром. И никто не понимает,
как это трудно.

Руно Белсвик

Мы всегда переоцениваем изменения,
которые произойдут в ближайшие два
года, и недооцениваем изменения
следующих десяти лет.

Билл Гейтс

— Де твій брат, чуєш, де твій брат?

Сергей Жадан

Часть первая

1.

Ух, и мело. В сад пришли запорошенные. Викентий вырвался вместе с пуховичком, скинул его на бегу. На людях он часто ее подводил, словно хотел проверить на прочность их дружбу или только ее терпение. Но, поднимая с пола холодную поникшую куртку, Лиза сказала себе: если у тебя проблемы с одним товарищем, ребенок не виноват.

— Мамочка, вам анкетка.

Лиза расслышала «танкетка», поняла, что Викентий не снял ботинки, что сейчас с него натечет, как с оконфузившегося щенка, хотела броситься следом... Но баба Наташа уже крепко держала ее за рукав:

— Заполнение по желанию. А лучше б заполнить.

— А для чего?

— Психологи дали, дипломники. Для вас же хотят! Для себя и для вас.

На часах было много. В опроснике — тридцать четыре пункта. По-хорошему, следовало бежать. Но

Лиза побаивалась бабы Наташи, обожала опросы, мучилась лужей, натекшей уже и с ее сапог, — в саду было по-всегдашнему перетоплено.

Можете ли вы рассказать ребенку поучительный случай из детства, представляющий вас в невыгодном свете?

Конечно, могу.

Можете ли вы извиниться перед ребенком в случае своей неправоты?

Легко!

Можете ли вы пообещать ребенку исполнить его желание за хорошее поведение?

Да, к сожалению.

Ваш любимый сказочный персонаж.

Колобок? Нет, меньшая дочь из «Аленького цветочка».

До пятнадцатого пункта все было просто. Ухо ловило Викешкино радостное повизгивание и хохот девочки, видимо, Даши — значит, дорвался и щекотал, а главного Дашиного поклонника, Федора, в саду, получается, еще не было. На пятнадцатом вопросе Лиза с виноватым притопом вышла из лужи, наследила до самого подоконника... В пункте № 15 ее попросили нарисовать человечка, несколько линий (любых), а потом — круг, треугольник или квадрат. Да, разбирались с нею по-взрослому. Как с матерью-одиночкой, или их что-то настораживало в Викеше? Круг или треугольник? Кажется, треугольник свидетельствует о повышенной сексуальности. Как и «меньшая дочь» из любимой сказки? Повышенной или неудовлетворен-

ной? Надо же было так влипнуть. А все-таки зачеркивать треугольник не стала — какая есть, такая и есть.

Дальше следовало придумать сказку, выбирая по фразе из нескольких вариантов.

За морями, за лесами, в одном большом и сильном государстве...

Викентий затих. Даша тоже. Отвлеклись, наверно, на какую-нибудь игру. Или баба Наташа снимала с него ботинки? Надо было, конечно, сделать это самой.

Жил-был я...

Нет!

Жили бесстрашные люди, знавшие всё на свете...

То есть она выбирает более назидательный вариант? И что же это о ней говорит?

А в одной семье на окраине жил мальчик...

На окраине, как и они.

Он считал, что он — самый умный на Земле...

Нет! Лучше так:

Однажды он узнал, что это были его приемные родители...

Или не лучше? Какой-то бразильский сериал. Но как уж пошло, иначе она опоздает.

И мальчик обиделся за это на весь белый свет...

Стоп! За что?

Он провел в одиночестве несколько дней, прежде чем ему стало страшно и грустно...

Ладно, пусть. Дальше галочки ставились наобум. Как написал ей однажды Дэн, «ты сделала меня френдом рэндом».

Постепенно мальчик научился различать во встречаемых хороших и плохих, кому нужно помочь, а кого надо остерегаться...

Это не про Викентия! Это про Дэна.

Он дал себе слово, что отныне будет больше отдавать тем, кто рядом с ним...

И опять она назидает. Осталось выбрать последнюю фразу:

С той поры в семье воцарился мир.

Жирная птичка. И опять глупость? Ведь люди придумывают сказки по принципу компенсации... Да или нет?

Остальные заходы были как будто уже без подвоха: мечтать любит, рассказать о себе незнакомому человеку может «скорее легко», отдых предпочитает у воды... Надо было уже не бежать, а лететь. На последнем вопросе она снова споткнулась. Чаще всего перед сном ей думается — о работе, о личном? она анализирует отношения с ребенком или строит планы на будущее? А ведь листки следовало еще подписать: мама В. Мосийчука. И еще раз. И на третьем листе. И на последнем: 3.02.2012.

Перед сном уже несколько дней она представляет себя в постели с одним человеком — с тем, с которым в постели не окажется никогда. Значит, это не планы на будущее... И, посмотрев на часы, Лиза поставила быструю птичку рядом с «думаю о работе».

Дверь распахнулась, появился Федор с отцом, больше похожим на дедушку. Оба нисколько не замеченные, потому что из бээмвэшки, и оба вразвалоч-

ку — большой начальник и маленький. Оба без юмора и оттого немного смешные.

Поздоровалась, листки положила на подоконник и побежала.

— Мосийчучка-зверючка! — А вот голос у Феди очень уж резкий. — Мстители собрались!

Сердце ухнуло. Но не будет же он его сейчас колошматить, сразу и ни за что — разве только за дружбу с Дашей? — и шагнула в пургу. Это была такая секунда, во всяком дне всего лишь секунда, в которую она переставала Викентия видеть, слышать и ощущать — обрыв проводов, потеря связи, ядерная зима, страшилка ее младшешкольного детства! — и чтобы не обездвигеть в этой секунде мамонтом, выхватила из кармана мобильный. Пропущенный мамин звонок и две эсэмэски от Дэна свела к общему знаменателю: пятница! Надо же, а она спросонья забыла.

Дэн писал: «завтра как всегда?», а спустя три минуты: «завтра никак ((((((». И побежала по узкой сыпучей тропе между высокими двугорбыми сугробами, разгадывая контекст: он устал от их отношений (она, например, в каком-то смысле устала), у него заболел ребенок, его поставила под ружье жена, у него завал на работе? Если бы на работе, она бы знала... Ерохин умел улыбаться обо всем, о чем хотел промолчать, так что Лиза за год, да, почти уже год, что они были вместе, отучилась от вопросительных интонаций: ты не смог, потому что не смог! И Дэн опять в ответ улыбался — с тихой радостью ничему, никому. А все-таки он улыбался именно ей. Не как в офисе — на бегу и одними глазами, — а всем своим внушительным

естеством (росту в нем было метр девяносто); у него даже уши вздрагивали, немного топырились и светились, когда он от души улыбался.

— Мам, алё, ты звонила, но понимаешь, про завтра еще непонятно, он пока написал, что не сможет, но ты же знаешь, у него семь пятниц... и семь суббот!

Снег бросался к ней, точно к родной, из арок, из просветов между домами — и она захлебывалась снежинками, колючими, как минералка. А мама, наверно, обидевшись на такое начало: без «доброе утра», без вопроса «как папа?», а ведь папу к вечеру, а она и забыла, «победила горизонталь», но что это значило — разыгравшийся радикулит, давление или лишние двести граммов, Лиза вчера уточнить не успела... мама сухо спросила:

— Бокрёнок в саду?

И столько было в этом «бокрёнке» оттенков (коннотаций, сказала бы мама, а Дэн бы сказал — заморочек), что Лиза опять забыла про вежливость:

— Где же еще?

А мама:

— Ты ничего не скрываешь? Он здоров? Он мне вчера показался вялым!

— Это потому что по скайпу. Ему скучно по скайпу... Mamochka, я люблю тебя! Я в перерыв еще позвоню. И папу люблю! Целую!

— Конечно, если по скайпу и если...

Но Лиза уже нажала «отбой». Когда Викентий родился, они еще жили все вместе в огромной квартире на Фрунзенской набережной. Но так уж распорядилась судьба — кстати, маминими стараниями, — и те-

перь они разговаривали по скайпу и жили, как говорил папа, на выселках. Хорошо, что сравнительно по соседству.

Лизины выселки были организованы неудобно, странно, разумно. В самом их центре располагался детсад, будто цветочное семечко, защищенное от большого мира сотней оберток, будто солнце, вокруг которого вертелось все. Но чтобы от сада пробиться к автобусной остановке, нужно было все эти концентрические круги блочных многоподъездных домов собой разокнуть. Стать «Вояджером», летящим в сторону Марса, снег счесть космической пылью, а окна, то вспыхивающие, то гаснущие, — метеоритным дождем... Иногда они так развлекались с Викешкой: отделить первую ступень! — есть отделить! И, чтобы снова не думать, как там сейчас в саду, бьет его Федор или только мутузит, Лиза покрепче сжала в кармане мобильный. Его токи в любую секунду могли превратиться в весть... например, от Юлия Юльевича. Почему от него? Позавчера он ее удивил. Вдруг попросил, чтобы она звала его Юликом:

— Может у старого человека быть свой каприз?

Старым он не был, но и на Юлика не тянул. Она растерялась. А он вдруг сказал, как позвал:

— Ветка!

— Что?

Он молчал, потом стало слышно, как дышит... Наверно, собака потащила его за собой, он звонил лишь тогда, когда выходил с собакой.

— *Что ты делаешь, птичка, на черной ветке?* Помнишь, нет?

— Нет... не помню. — И с трубкой пошла к компьютеру, потому что он снова молчал; погуглив, мгновенно нашла: — *Оглядываясь тревожно?*

И тогда уже он, почти задыхаясь, наверно, собака его понесла:

— *Хочешь сказать, что рогатки метки, но жизнь возможна?*

А она, чтобы расставить все по своим местам:

— Ваше поколение, Юлий Юльевич, — потому что всегда впадала в почтительность, когда не знала, что делать, — читало дамам стихи, наизусть, невероятно! Папа прав, когда говорит, что нас и вас разделяет бездна...

И опрометью извинилась: сначала за папу, потом за бездну, следом — за то, что ее зовет сын (она называла Викентия сыном лишь в разговоре с ним, и почему бы?), а когда добежала стихотворение до конца: — *Неправда! Меня привлекает вечность. Я с ней знакома. Ее первый признак — бесчеловечность. И здесь я — дома...* — испугалась, не зная чего. Вдруг решила, что Ветку он произвел от Елизаветки, и отключила мобильный. Какая, однако, дерзость: *что ты делаешь птичка, на черной Ветке?* Но утром, найдя в телефоне его эсэмэску: «Стихи на память, во вторник звонЮ-Ю», отругала себя за глупую мнительность — ему просто нужно кому-то звонить, выгуливая собаку по имени Кэррот.

Сесть получилось только в четвертый автобус. До метро от них было близко, двадцать минут пешком, потому-то «двухспальные», с гармошкой посередине, с заносом хвоста в один метр автобусы приходили

уже переполненными. Но зато меховые шапки и воротники, от снежных вмятин тревожно живые, покошачьи зализанные, казалось, тронь — и царапнут, и подтаявшие носы, и серо-махровую наледь на окнах предстояло терпеть не больше пяти минут. Ну а в метро, в самом красивом и тесном метро на свете — уберите с поручня сумку, левая сторона, не задерживаясь, проходим... — можно было уже не бороться, а течь, думая о своем. С некоторых пор (с недавних, но вот бы вспомнить, с каких) она думала о своем на виду у Ю-Ю, то есть с глупой задорной оглядкой: вот чего он никогда обо мне не узнает... вот бы он удивился... вот уж этого не поймет даже он.

Их познакомил Викентий. Кончался сентябрь, день был солнечный, но сопливо-сквозливый. И деревья в их сквере, будто пестрые куры, то и дело вскидывались, пушили и роняли листву. Ю-Ю ехал на велосипеде, а Лиза гналась за Викешкой с кепкой в руке, чтоб непременно надел. А он извернулся, выскочил на дорожку, и хлипкого вида дяденька, от этого резко свернув, свалился на землю. Скрючился и лежит. А когда они его усадили на лавочку, неожиданно ожил. Полуулыбка, от боли несчастная, превратилась в почти блаженную, с которой он попросил ее что-нибудь пошептать. Но что? Ну, например: болящий бок врачует песнопенье... И так глубоко заглянул в глаза, глубоко, удивленно, обыденно, словно в нижний ящик комода, где вчера лежали носки, а сейчас обнаружилась бездна.

А еще ведь была собака (мужчина и его «простая собака»), она бежала за велосипедом, видимо, на по-